

Глава 43. Болит всё тело

На этой плетёной бабочке ещё оставались крошечные следы зубов — именно её Цзян Тан вчера вечером в сердцах цапнул.

Это была та самая бабочка, которой Сян Син развлекал его ночью, когда видел, что он не в духе.

Цзян Тан: ...

И вдруг ему показалось, что по сравнению с этим здоровяк утешал людей не так уж и неуклюже.

Здесь всё было ещё деревяннее.

Вообще-то последние два дня он злился вовсе не на Фу Линцзюня. Цзян Тан злился на себя. На то, что стал слишком жадным. Когда он только-только попал в этот мир, ему хотелось лишь быть ленивой подвеской: есть, пить, оставаться в живых, прижиматься к сильному бедру и продавать милоту. И этого было бы вполне достаточно.

Но в последнее время ему захотелось большего.

Сейчас он мог жить только, опираясь на Фу Линцзюня. Как благой зверь с боевой мощью ниже плинтуса, стоило ему покинуть великого босса, как любой другой культиватор очень быстро либо поймал бы его и стал понемногу брать кровь, либо просто убил и пустил на пилюли. Как ни крути, исход один — смерть.

Но внутри этого маленького звериного тела жил всё-таки человек. Да, даже когда он был человеком, особых амбиций у него не было. В детстве он не заговорил раньше других, не запоминал стихи и не решал примеры быстрее остальных. В школе тоже старался, учился усердно, но оценки оставались самыми обычными. Потом была обычная старшая школа, обычный университет, обычная работа с маленькой зарплатой и бесконечными переработками. Самый средний офисный работяга.

И всё же даже у самого обычного офисного работника есть работа, друзья и возможность в свободное время выбраться куда-нибудь отдохнуть, наслаждаясь редкими крохами настоящего отпуска.

А в этом мире он мог существовать только за счёт Фу Линцзюня и цепляться за жизнь силой Фу Линцзюня.

Он не хотел, чтобы так было всегда.

Он хотел иметь возможность подружиться с теми, кто ему нравится, хотел сам защищать себя собственными силами. Хотел даже после ухода от Фу Линцзюня суметь жить как самый обычный человек.

А не быть таким, что даже детёныш огненного тигра способен без труда его уделать.

Цзян Тан взглянул на бабочку, потом поднял голову и посмотрел на подбородок Фу Линцзюня. Тот как раз смотрел вниз на него. Солнце с трудом пробивалось сквозь густую листву и бросало пятнистые отблески на его спокойное лицо.

Хотя сейчас на нём была эта неприметная личина, по одному только контуру Цзян Тан легко мог представить, как выглядит настоящее лицо под ней.

Похоже, ему стало лучше, чем ночью. Значит, ничего серьёзного с телом уже не было?

Когда он наконец разобрался в собственных чувствах, ему самому стало стыдно за свою капризность. Сейчас он не мог помочь вообще ничем, был лишь бесполезной обузой. А великий босс, который и так должен двигать сюжет, ещё и тратил силы на то, чтобы возиться с его настроением, да ещё и утешал его таким неуклюжим способом.

Сяо Бай пёсик дёрнул ушами и, высунув из объятий толстую лапку, осторожно коснулся плетёной бабочки.

Постарался сделать это не слишком формально.

Фу Линцзюнь, который явно учился утешать у Сян Сина, ощутило воодушевился. Он с предельной серьёзностью начал водить плетёной бабочкой влево-вправо, раз за разом, в сумме ровно по пятнадцать движений в каждую сторону. Цзян Тан даже заподозрил, что тот в уме считает. Ни разом больше, ни разом меньше. Всё до смешного механично.

Когда с этим было покончено, он вытащил тот самый красный плод.

Это как раз был один из любимых «аперитивных» фруктов Цзян Тана — сладкий, лёгкий и отлично возбуждающий аппетит.

Цзян Тан, которого вроде бы утешали, но который всё больше чувствовал, что и сам одновременно утешает собеседника: ...

Как ни посмотри, а делать вид, будто ему ужасно нравится, когда великий босс занимается подобным, — тоже нелёгкая работа.

На прошлом уроке уже проходили: воспитывать в мужчине должное поведение нужно

постепенно. Следует больше хвалить, чаще подбадривать, чтобы добиться устойчивого и здорового роста.

С выращиванием хорошего кормильца, если подумать, всё точно так же.

Цзян Тан и вправду был немного голоден после сна. Он протянул лапу и взял красный плод. А заодно пустил в ход всё своё богатое мастерство «фуд-блогера», давно отточенное жизнью.

Когтем он надрезал кожицу, лизнул выступивший сладкий сок, дождался, пока тот перестанет течь, и затем принялся аккуратно, мелкими кусочками есть. После каждого кусочка он ещё и довольно оглядывался на Фу Линцзюня, всем видом показывая, как ему вкусно и приятно.

И правда, никто не может устоять перед милым пушистым комочком, который так аппетитно ест.

Только он доел фрукт, как великий босс, уже понявший, почему Сян Син так любит смотреть, как едят другие, снова полез в жемчужину Нахай и достал оттуда свёрток в промасленной бумаге — нарезанное на маленькие кусочки тушёное мясо, чтобы удобнее было есть.

Цзян Тан: у него имелись все основания подозревать, что Фу Линцзюня подменил Сян Син. И доказательства уже были железными.

Разве жемчужина Нахай — не очень крутое пространственное хранилище, в котором даже живых существ держать можно? Почему же теперь ему казалось, что оно превратилось в бездонный карман Дораэмона, набитый странными игрушками и едой?..

Толстенький белый пёсик продолжал есть у босса на руках, параллельно обо всём этом размышляя.

Наверное, он ел слишком уж вкусно. Потому что даже шедший впереди Е Чжэнвэнь то и дело оборачивался посмотреть вместе с ними.

— Сяо Бай только проснулся и уже столько ест? — Е Чжэнвэнь, втянув носом запах мяса, сам вдруг почувствовал голод.

Цзян Тан замер с куском мяса в зубах. Вот же язык у этого типа. Проснуться и поесть — разве это много? Где тут вообще много?!

И потому он нарочно зажевал ещё громче, да ещё и с таким аппетитом, что стало вкуснее вдвойне.

Вообще, культиватор, достигший уровня мастера Дао, уже не нуждается в обычной пище.

Одного поглощения небесной и земной духовной силы ему достаточно. Е Чжэнвэнь и Хуай Чэнъинь были сильнейшими в охотничьем отряде по официальной оценке и оба считались юными гениями, одной ногой уже ступившими на уровень мастеров Дао. Но, судя по всему, ни один из них всё же не мог жить исключительно на пилюлях, восполняющих духовную силу. Запах завтрака маленького белого пса немедленно разбудил в обоих весь утренний голод.

Хуай Чэнъинь, у которого у самого тоже засосало под ложечкой, молча вытащил из жемчужины Нахай пилюлю бигу, пожевал её и с крайне безрадостным видом проглотил.

Шэн Исюэ и Сун Цзиньяо поступили так же.

И только Е Чжэнвэнь с самым бесстыдным видом подался назад и спросил:

— Брат Линь, а сколько еды ты приготовил для Сяо Бая? Не поделишься со мной немножко?

Фу Линцзюнь лишь посмотрел на него, ничего не ответив.

— Кх... — Е Чжэнвэнь потёр нос, отвернулся и пошёл дальше.

Горный хребет Линчао лежал на самом севере Центрального материка. В оригинальной истории Сун Цзиньяо не ходил в охотничью зону, а остался в области Цянькунь и там с блеском проявил себя, заняв первое место в списке Небесных Дарований в семнадцать лет. После этого он вместе с Е Чжэнвэнем отправился учиться в секту Ляньи.

Но теперь, когда он не получил кость судьбы благого зверя и не смог с её помощью переломить свой удел, его духовные корни были разрушены, и он ступил на путь, которого в оригинале вообще не касался. Цзян Тан давно уже перестал надеяться, что канон подскажет ему хоть что-то полезное. Оставалось только идти следом за Фу Линцзюнем и смотреть, что будет.

После выхода из долины Тяньбэй планировка Фу Линцзюня тоже как будто стала иной, чем в оригинале. Не исключено, что всё изменилось после того, как Цзян Чанъюань и Янь Цунси почему-то вмешались вслед за резнёй в Цзяэне, и это заставило его о чём-то задуматься.

Хотя утёс Жисы и был духовной областью, от которой Янь Цунси когда-то отказался и которую запечатал, располагался он в месте, где духовные жилы гор Линчао сходились особенно густо. Чем ближе они подходили к утёсу Жисы, тем чаще вокруг вставали в небо древние деревья.

Их кроны раскидывались, как гигантские зонты. Лианы, густо оплетающие стволы, свисали вниз зелёными занавесями, преграждая путь.

Лес внутри был мрачным и тихим.

Чем дальше они углублялись, тем меньше туда пробивалось солнце.

Изобильная духовная сила почти превратилась в настоящую дымку. Она медленно текла с ветром, будто вода: чистая как нефрит, глубокая и далёкая.

Цзян Тану показалось, что воздух вокруг стал влажнее. Эта напитанная духовной силой дымка будто просачивалась ему прямо под кожу. По всему телу стало как-то не по себе, и он плотнее вжался в объятия Фу Линцзюня.

— Иу... — голос у пушистого комочка был мягкий и жалобный.

Фу Линцзюнь осторожно погладил перепуганного зверька, успокаивая:

— Что случилось?

Та странная дымка, которая словно пыталась залезть Цзян Тану в тело, тут же рассеялась, а неприятное ощущение исчезло без следа.

Цзян Тан высунулся из его объятий и потёрся головой о его руку:

— Иу-у.

Уже всё хорошо.

Фу Линцзюнь не мог постоянно видеть цвет души зверька. Большую часть времени она оставалась белой. Лишь в минуты особенно сильных эмоций на ней проступали другие оттенки. Поэтому ему всё равно приходилось учиться понимать его язык.

Со временем он уже начал кое-что различать. К примеру, короткий и звонкий звук означал радость. Чуть растянутый — недовольство. А сейчас это была именно радость.

— Тс-с... я точно не ошибся дорогой? — Е Чжэнвэнь достал грубую карту охотничьей зоны и принялся раз за разом сверяться с ней. — Здесь ведь где-то должен быть утёс Жисы. И где, спрашивается, тут утёс? Дальше уже вообще дороги нет.

Свисающие лианы полностью перегородили путь. Даже если бы они начали их рубить и пробираться вперёд, за ними всё равно ждали бы лишь бесконечные горы и деревья.

Карта охотничьей зоны и предназначалась лишь для грубой ориентации и отмечала несколько заметных точек. Разумеется, утёс Жисы как запечатанная духовная область там тоже был обозначен.

Е Чжэнвэнь, сверяясь с картой, уже долго водил их вперёд. Шэн Исюэ, как лекарь, успела вымотаться и теперь, опираясь о ствол дерева, тяжело переводила дыхание.

Фу Линцзюнь поднял глаза. Его взгляд остановился на изумрудной птичке неподалёку. Та низко пролетела под пологом леса, вспорхнула на невысокую ветку и принялась чистить перья.

Увидев, как смотрит Фу Линцзюнь, Е Чжэнвэнь тоже перевёл туда взгляд.

— Брат Линь, ты на что смотришь?

Фу Линцзюнь ничего не ответил. Он окинул взглядом окрестности, подошёл к лианам на северной стороне и, будто бы наугад, выбрал одну среди множества, после чего перерубил её.

Затем обошёл остальные три стороны, в каждой нашёл по такой же лиане и по очереди отсёк.

В ту же секунду, когда рухнула четвёртая, мир перед ними резко изменился.

Свисавшая прежде стена лиан исчезла. Её место заняли внезапно хлынувший золотой солнечный свет и вереница гор на другом конце пропасти, все до одной напитанные влажной духовной силой. Где-то в глубине слышались рёв и вой демонических зверей.

Куда больше, чем во всём лесу гор Линчао, по которому они шли до этого.

— Нашли! — обрадовался Е Чжэнвэнь.

Хуай Чэньинь тоже подался вперёд и с остаточным страхом пробормотал:

— Хорошо, что мы не попытались просто прорубиться сквозь лианы. Иначе, похоже, все бы уже полетели вниз.

— Но как нам теперь перебраться? — с тревогой спросила Шэн Исюэ. — Летающих духовных питомцев у нас нет...

Сун Цзиньяо показал вниз, на толстую цепь, почти целиком утонувшую в тумане. Она тянулась отсюда прямо к горным хребтам утёса Жисы.

— Можем пройти по ней.

Решили действовать сразу же — главным образом потому, что Е Чжэнвэню предстояло пустить кровь.

Он с мученическим видом полоснул ладонь и размазал кровь по прозрачному барьеру, оставленному Янь Цунси и Цзян Чаньюанем. Преграда начала медленно таять, и в ней открылся проход, через который мог пройти человек.

Пробитый таким образом барьер продержится от силы одну палочку благовоний. Е Чжэнвэнь не стал терять времени и первым спустился вниз. Убедившись, что цепь крепкая, он крикнул остальным идти следом.

Один за другим все ступили на этот срезанный путь, похожий на жульничество.

Кто бы мог подумать, что едва последний, Хуай Чэнбинь, только поставил ногу на цепь, как сзади непонятно откуда появились Ци Цуньюй и всё тот же его спутник в грубой одежде, Ци Е.

Хуай Чэнбинь чуть не взвился, как кот, которому наступили на хвост:

— Ци Цуньюй! Ты что здесь делаешь?!

Если бы не страх выдать, что он уже знает его секрет, Хуай Чэнбинь, пожалуй, и правда ткнул бы в него пальцем и начал ругаться.

Все на цепи вздрогнули и обернулись. А бесстыдный Ци Цуньюй уже успел, как и они, спуститься по лианам и выйти на цепь.

— Ха. А почему мне нельзя быть здесь? — Ци Цуньюй закатил глаза, взглядом скользнул по всем и остановился на Е Чжэнвэне, шедшем впереди. — Раз уж он решил жульничать, я тоже могу немного поразвлечься.

Е Чжэнвэнь тут же почувствовал, как его ткнули в больное место, и мгновенно покраснел:

— К-кто тут жульничает! Утёс Жисы вообще-то и так входит в охотничью зону!

Под конец голос у него стал заметно тише — явно от смущения.

Но даже смущённый человек может вести себя нагло. Е Чжэнвэнь был именно таким. Он ещё и пошёл в атаку первым:

— А ты-то что тут забыл? Почему не остался в области Цянькунь? Решил у меня за спиной прибрать выгоду к рукам? Сразу говорю — нет! Я не позволю! Быстро проваливай! А то я тебя сейчас ударю!

Ци Цуньюй презрительно усмехнулся:

— Хочешь бить — бей. Лучше всего прямо сейчас разнеси эту цепь.

Сказав это, он обеими руками схватился за подвесной мост из цепей и с силой тряхнул. Нескольких человек впереди тут же качнуло так, что они чуть не потеряли равновесие.

Е Чжэнвэнь: ...

И правда, хуже хулигана только хулиган без стыда.

Цзян Тан как раз ломал голову, каким образом Фу Линцзюнь вообще соберёт в одном месте этих четверых. И кто бы мог подумать, что в итоге они соберутся сами, в полном составе. Кто знает, не устроил ли он Ци Цуньюю ещё один сон, чтобы все младшие оказались вместе на утёсе Жисы.

В оригинале те, кто должен был драться в области Цянькунь, теперь вдруг оказались вместе с остальными в охотничьей зоне. Всё, Фу Линцзюнь официально подтверждён как закулисный сценарист.

Цзян Тан свернулся у него на руках, надеясь поскорее пережить этот отрезок сюжета. Но стоило насыщенной духовной силе утёса Жисы окутать его, как ему вдруг смутно почудилось: он будто и сам может впитывать этот воздух.

Если в горах Линчао это ощущение ещё было неясным, то сейчас оно стало всё заметнее. Более того, тело начало болеть, словно духовная сила переполняла его до краёв, а выхода для неё не находилось.

— Иу... — Цзян Тан почувствовал, как всё тело ломит, и потёрся о Фу Линцзюня, словно хотел перекатиться и устроиться поудобнее.

Фу Линцзюнь опустил голову и мягко погладил его по макушке.

От этой ладони по коже сразу потекла странная, удивительно приятная волна, которая постепенно разошлась по всему телу. Неприятные ощущения слегка ослабли. Но стоило его руке уйти, как всё вернулось с ещё большей силой.

— У-у... — от боли Цзян Тан заскулил, едва не расплакавшись.

Он ещё никогда не видел пушистый комочек в таком состоянии.

Фу Линцзюнь поднял его перед собой и ощупал от головы до хвоста, так и не понимая, почему тому настолько плохо.

Мягкая шерсть беспрерывно тёрлась о его руки. Зверёк сам тянулся к нему, всхлипывая и едва не плача, с глазами, полными воды. Жалкий до невозможности.

И тут Фу Линцзюнь вдруг вспомнил ту ночь, когда спящий юноша, сжавшись от боли, внезапно обратился человеком.

Лицо его резко изменилось.

Он тут же отодвинул Е Чжэнвэня в сторону, освободил путь и вместе с Цзян Таном вихрем исчез с подвесной цепи, оставив после себя кучку уже готовых сцепиться младших.

— Б-брат Линь? — Е Чжэнвэнь протёр глаза.

С каких это пор его брат Линь двигается так быстро?

Примечание автора:

Фу Линцзюнь: если опоздаю ещё хоть на минуту, у жены уже вся одежда исчезнет□□□□□

<http://bllate.org/book/17032/1639366>